

Мск. Комсомолец. — 1992. — 28 янв.
Взлеты и падения
великой Марлен

ГОЛУБОЙ АНГЕЛ

ЖЕНСКОЕ счастье, сколь разнообразно ты! Кто обретает его у плиты, тешась по вечерам неверным светом синематографа, кто, наоборот, вспыхивает в этом неверном свете, мечтая, может быть, о пите — как некогда вишнегубая легенда Марлен Дитрих.

Газеты пишут: она стара и немощна. Она снимает квартиру на улице Монтань. С квартирой — трудности. Ах, смешно представить, что с богов-олимпийцев стали бы требовать плату за пользование облаками!

Первый шаг к своим облакам Марлен сделала в один прекрасный день где-то между 4 ноября 1929-го и 22 января 1930-го. В Берлине, в студии фирмы «ДФФА».

Мало кому известная особа в пикантном корсаже и черных чулках с подвязками швырнула свои кружевные панталоны прямо в трясущееся старческое лицо. Снимался фильм по роману Генриха Манна — картину назвали «Голубой ангел».

Смелая эскапада Дитрих положила начало решающему этапу в истории кинематографа — освобождению от всяческих табу.

Ее настоящее имя — Мария Магдалена фон Лох, она получила классическое воспитание: с французской и английской гувернантками, уроками латыни и игры на скрипке.

И она предпочла скрипке музыкальную комедию. Внешность Марлен располагала к тому: пухлые щечки, зеленые глаза, богатые стати... Она дебютировала в более-менее пристойных постановках, таких, например, как «Манон Леско», где ей пришлось раздеваться на сцене по ходу действия. Тут-то ее и открыл режиссер Стернберг, приехавший в Берлин на поиски «немки с ногами подлиннее».

СТЕРНБЕРГ стал для Дитрих Новым Пигмалионом. Ее талант и особенно фигура быстро прогрессировали. За два месяца бедняжка потеряла 10 килограммов.

Фотографы, «наусьманные» Стернбергом, из этого наброска женщины сделали идеал. Скулы призывно изогнулись, в глазах проявились гроза и радуга, приподнятые брови увеличили лоб, и казалось, что за ним таятся высокие мысли, недоступные простым смертным.

Как было не полюбить ее! Голливуд подписал с Марлен контракт, не имевший аналогов. Она на рысках обходила соперницу — Грету Гарбо, но все равно была недовольна. В первую очередь, голливудской атмосферой, партнерами. Чаплин казался ей невыносимым эгоистом, Гарри Купер был так занят собой, что едва слушал реплики других перед камерой, Кларк Гейбл, Эррол Флинн, Роберт Тейлор были прискорбно бескультурными...

А культура для самой Марлен Дитрих отнюдь не ограничивалась синематографом. Она говорила, что готова отдать все фильмы Земли за одно стихотворение Рильке. Она была подругой Ремарка, прекрасно знала работы Шопенгауэра, Хемингуэй читал ей свои рукописи...

«Фильмофонд» Марлен все пополнялся. Она появлялась в шкуре гориллы, в наряде гурии, преодолевала миллион препятствий — и ни одна искусственная ресничка не отваливалась, ни единого пятнышка не возникало на ее туалетах.

НО ВОТ пришла война, и Марлен неузнаваемо изменилась: в брюках — что весьма шокировало публику — мужском пиджаке, галстук и с тростью она пела, пела перед солдатами, отправлявшимися в мясорубку Европы. Дитрих с презрением отказывается от предложения Геббельса вернуться в Германию. В отместку нацисты берут в заложники ее семью.

И все же именно во время войны Марлен было суждено пережить свой самый прекрасный роман. В Голливуде они встретились с Жаном Габеном и полюбили друг друга. Призванный во Французские освободительные силы, он отправляется в Европу. Марлен старается быть как можно ближе к нему, и вдруг узнает, что дивизия Габена должна быть где-то совсем рядом, на побережье. Она немедленно «заимствует» джип у сержанта и мчится через леса и поля, не разбирая дороги. Наконец она видит до боли знакомую спину. Зовет.

«Черт меня побери!» — едва смог сказать Габен. Они падают в объятия друг друга, но уже звучит труба, Жан взбирается на свой броневик и исчезает в облаке пыли...

После войны они снова обрели друг друга, но продолжение было менее романтичным. Пока Марлен распевала на фронтах, ее место в Голливуде заняли более шустрые девочки. У Габена с работой тоже было плохо. Они развехались. Карьера Марлен круто пошла вниз.

Несколько неудачных фильмов, много новых морщинок, затворничество на улице Монтань. Так тихо ушла Марлен Дитрих, последняя принцесса волшебных времен, когда достаточно было протянуть руку и экрану, чтобы поверить в реальность действия, когда публица шаркалась от призрачного автомобиля, мчащегося в зал, когда женщины умели быть богинями с грозой и радугой в глазах... По материалам зарубежной печати.